
Уютный детектив
Лост,
или
Смерть под бой курантов
Серия
«Красный карандаш»
книга 23

Милана Панова

Тост, или Смерть под бой курантов

«Автор»
2026

Панова М.

Тост, или Смерть под бой курантов / М. Панова — «Автор», 2026

Корректор Нина Платонова и капитан Андрей Громов остаются в медовом месяце и встречают Новый год в карельском гостевом доме у Онежского озера. Хозяйка собрала «старых гостей» на вечер с тостами и карточками желаний, которые полагается сжечь и выпить с шампанским. Тамада обещает в полночь рассказать «правду о Тане», племяннице, которая шесть лет назад провалилась под лёд. На двенадцатом ударе курантов он выпивает бокал и падает замертво. Метель отрезала дом от мира, телефоны молчат, а все подозреваемые стоят рядом с ёлкой. Читать можно отдельно от предыдущих частей.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Милана Панова
Тост, или Смерть под бой курантов

Тост, или Смерть под бой курантов
Серия «Красный карандаш», книга 23

Глава 1. Сосновый берег

Двенадцать дней отпуска, обещанных мной мужу на перроне Петрозаводска, оказались в самом деле двенадцатью днями отпуска. Первые четыре из них.

Мы поселились не в городе, а в тридцати километрах от него, на берегу Онежского озера, в деревянном гостевом доме «Сосновый берег», который нам порекомендовал на станции тот же повар из «Северной стрелы». Он сказал, что это место «для тех, кому нужна тишина», и, подмигнув Андрею, добавил: «Или для тех, кому нужна тишина после шума». Мы не стали уточнять.

Дом был красив до неприличия. Двухэтажный сруб из тёмной карельской сосны, с резными наличниками, высокой крышей, засыпанной снегом по самый конёк, и огромным крыльцом, на котором при желании можно было бы устроить танцы. Вокруг на сотни метров ни одного соседа: только лес, белый и густой, как овечья шерсть, да озеро, скованное льдом, уходящее до самого горизонта. Над крышей поднимался ровный дымок, и пахло смолой, печкой и свежим хлебом.

— Это рай, — сказал Андрей, выходя из такси.

— Это декорация.

— Для чего?

— Для чего-нибудь неприятного.

— Нина. Мы договорились.

— Я просто констатирую.

Эклер высунул нос из переноски и принюхался. Потом, вопреки всем моим ожиданиям, одобрительно мяукнул: кот, как и положено уважающему себя существу, знал толк в тепле, рыбе и красивых печках.

Хозяйка встретила нас на крыльце. Это была женщина лет шестидесяти двух, крупная, статная, с толстой седой косой, уложенной вокруг головы, в тёмно-зелёном шерстяном платье и вязаной шали. Лицо у неё было широкое, румяное, спокойное, с лучиками морщин у светлых глаз, и вся она казалась воплощением карельской гостеприимной силы.

— Аглая Тимофеевна Корелова, — представилась она, протянув крепкую широкую ладонь. — Хозяйка. А вы, значит, Громовы. С кошкой.

— С котом.

— С котом, — согласилась она. — Кошку я бы пустила в любом случае. А кота подумаю.

— Он безобиден.

— Они все безобидны. Пока не съедят копчёного сига. — Она засмеялась низким, раскатистым смехом. — Заходите. Я вам комнату дам наверху, с видом на озеро. Утром сами увидите, какое там солнце.

Внутри «Сосновый берег» оказался ещё лучше, чем снаружи. Просторный холл с огромным каменным камином, в котором потрескивали берёзовые поленья, длинный дубовый стол, накрытый вышитой скатертью, шкафы с книгами и старинными самоварами, лестница с резными перилами, а по стенам, увешанным оленьими рогами и фотографиями в деревянных рамках, ходили тёплые, медовые блики света. У камина в плетёном кресле дремал пёстрый деревенский кот, при виде Эклера лениво приоткрывший один глаз.

— Это Барсик, — сказала Аглая Тимофеевна. — Он у нас старожил. Не обращайте внимания, если зашипит.

— Не обращу.

— Вот и хорошо.

Номер оказался на втором этаже, большой, тёплый, с двумя окнами на озеро и широкой кроватью, над которой висел вышитый коврик с надписью: «Дом, где ждут». Андрей поставил чемоданы, подошёл к окну и долго молчал, глядя на белую равнину, уходящую в сумерки.

— Нина.

— Да?

— Я хочу здесь остаться.

— Мы остались.

— Нет. Навсегда.

— У тебя работа.

— Я уйду.

— Ты не уйдёшь.

— Не уйду. — Он улыбнулся. — Но мечтать никто не запрещает.

Первые дни прошли в той тишине, о которой я мечтала с лета. Мы вставали поздно, пили чай на веранде, смотрели, как над озером поднимается розовое солнце. Ходили на лыжах по лесу, играли в шахматы у камина, катались с Эклером на санках, и кот, к моему изумлению, оказался страстным любителем снега: он лежал на санках, как кот на троне, а Андрей возил его по двору, делая вид, что страдает. Аглая Тимофеевна подкармливала нас пирогами с рыбой и брусникой, и по вечерам мы слушали её рассказы: о деревне, о войне, о прадеде, который ловил сигов на Онего, о том, как в этих краях сохранились старинные песни, которые поют только старухи.

Мне казалось, что мы наконец-то получили то, чего заслуживали.

Тридцатого декабря, ближе к вечеру, к «Сосновому берегу» подъехали гости.

Нас предупреждали. Аглая Тимофеевна сказала ещё накануне, что тридцать первого у неё «традиционная встреча»: каждый год в этот день собираются давние постояльцы, человек десять, которые приезжают встречать Новый год «по-старому», с тостами, песнями и шутками. «Вы можете присоединиться, — добавила она. — Мне будет приятно. Но если не захотите, никто не обидится».

— Присоединимся, — сказал Андрей, когда мы остались одни.

— Ты уверен?

— Нет. Но Новый год в тишине без людей — это скорее тоска, чем отдых.

— Ты говорил, что хочешь остаться навсегда.

— С тобой. С людьми — на один вечер.

Первыми приехали Бархатовы.

Эдуард Бархатов оказался высоким, грузным, румяным мужчиной лет пятидесяти шести, с густой чёрной гривой, зачёсанной назад, и мощным, поставленным голосом. Он вышел из машины, как выходит на сцену артист, расставил руки и громко объявил:

— Аглая! Свет очей моих! Я приехал!

— Эдик! — Хозяйка обняла его, и по тому, как они обнялись, я поняла, что знакомы они давно. — Наконец-то. Я думала, не доедешь по такому снегу.

— Я? Да я бы по воде доехал. — Он оглядел холл. — Ничего не изменилось. Ни одного рога не прибавилось.

— Ты считал?

— Я всегда считаю. Профессия.

— Какая?

— Тамада, дорогая. Лучший тамада Северо-Запада. — Он повернулся ко мне. — А это кто у нас? Новенькие? Молодожёны?

— Нина и Андрей, — сказала Аглая Тимофеевна.

— Нина! — Он схватил мою руку и расцеловал. — Нина. Прекрасное имя. А профессия?

— Корректор.

— Корректор? — Бархатов зарычал от удовольствия. — Это же находка! Мне как раз нужен человек, который проверит программу вечера. Я составил восемь тостов, но Люба считает, что я безбожно ошибаюсь с запятыми.

— Я не ошибаюсь, — сказала женщина, вошедшая следом.

Это была его жена Люба: невысокая, худощавая, лет сорока, с гладкими тёмными волосами, собранными в узел, и очень внимательными серыми глазами. Она держала в руках большую картонную папку и говорила тихо, ровно, как человек, который привык заканчивать чужие фразы.

— Люба Бархатова. Администратор, секретарь, жена и главный критик.

— Нина.

— Я знаю. Аглая рассказывала. — Она улыбнулась. — Вы не обязаны работать. Эдуард просто любит всех втягивать.

— Я не втягиваю! Я приглашаю! — возмутился муж.

— Одно и то же.

— Совсем нет.

Они переглянулись с таким выражением, которое бывает только у пар, прожитых вместе долгие годы и научившихся спорить, не раздражаясь. Я невольно улыбнулась.

— С удовольствием посмотрю, — сказала я. — Если не придётся работать всю ночь.

— Не придётся! — заверил Бархатов. — Всего три страницы!

Люба вынула из папки аккуратно скреплённую стопку листов и протянула мне.

— Программа вечера. Я распечатала вчера на принтере Аглаи. Двенадцать экземпляров. Это один из них. Остальные уже лежат на столе.

Я взяла. Программа была набрана аккуратным, ясным шрифтом, на плотной кремовой бумаге, с рамкой из еловых веток по краям. На титуле стояло: «ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА В «СОСНОВОМ БЕРЕГУ». Программа вечера. Ведущий — Эдуард Бархатов». Я перевернула лист. Список тостов, восемь пунктов, каждый с названием и кратким пояснением. «1. За хозяйку дома. 2. За старый год. 3. За тех, кто далеко. 4. За любовь. 5. За дружбу. 6. За здоровье. 7. «Правда о Тане» (Э. Б.). 8. За Новый год».

Я задержалась на седьмом пункте.

— «Правда о Тане», — прочла я вслух. — Это что?

Бархатов, который только что оживлённо жестикулировал, вдруг замолчал. Люба быстро посмотрела на мужа. Аглая Тимофеевна, стоявшая у камина, чуть заметно напряглась.

— Это для своих, — сказал Бархатов после паузы. — Внутренняя шутка. Объясню вечером.

— Хорошо.

— Но вы всё равно проверьте остальное.

— Проверю.

Я достала из кармана красный карандаш, прочла программу от начала до конца и поправила две запятые и одно слитное «чтобы». Потом протянула лист обратно.

— Всё в порядке. Почти идеально.

— Почти? — Бархатов поднял брови.

— Есть одна запятая, которую вы поставили не там.

— Какая?

— После «За дружбу». Нужна точка.

— Люба! — Он обернулся. — Ты слышала? Мне поставили запятую!

— Я слышала, Эдик.

Мы засмеялись. Но я вернула Любе экземпляр, а второй, который лежал у меня в руках, молча сложила и сунула в карман. Привычка корректора: никогда не отдавать оригинал, пока не дочитала до конца.

Позже я не раз вспоминала этот листок.

Глава 2. Старые гости

К вечеру тридцатого декабря холл «Соснового берега» наполнился людьми, и тишина, которую мы так берегли, растворилась в голосах, смехе и хлопанье дверей.

Мы сидели у камина, пили чай с брусничным вареньем, и я потихоньку, как привыкла, составляла в голове картину. Первым вошёл Арсений Крылов, плотный, высокий, шумный мужчина лет пятидесяти, в дорогом свитере и с массивными часами на запястье. Он пожал руку Андрею с таким напором, будто хотел убедиться, что тот настоящий, и сразу заявил, что у него «бизнес, но душа поэта». Следом вошла его жена Дина, высокая, тонкая блондинка лет сорока пяти в бежевом пальто, с безупречной причёской и таким выражением лица, какое бывает у женщин, давно привыкших улыбаться и не очень любящих это делать.

— Дина, — сказала она, подавая холодную руку. — Муж утверждает, что я скучная. Не верьте.

— Я не верю.

— Правильно. Я просто устала.

За ними появился пожилой, сутулый, полноватый мужчина в круглых очках и клетчатой жилетке, с тростью и огромным портфелем. Лицо у него было мягкое, доброе, по-детски пухлое, а глаза выпуклые, влажные, с тяжёлыми веками, как у уставшей птицы. Он вошёл, поклонился всем сразу и тихо сказал:

— Павел Игнатьевич Седов. Писатель. Если кто-нибудь ещё помнит.

— Помним, — тут же отозвался Бархатов. — Автор «Зимы на Онего»! Лауреат! Герой!

— Не преувеличивай.

— Я не преувеличиваю. Я констатирую.

Седов смущённо отмахнулся. Но я заметила, что от слова «лауреат» уголки его губ чуть заметно дрогнули.

Книгу «Зима на Онего» знал каждый, кто хоть раз заходил в магазин в последние пять лет. Это был небольшой, лиричный, пронзительный роман о карельской зиме, о первой любви, о гибели молодой женщины, которая провалилась под лёд. Книга получила несколько премий и считалась лучшим, что случилось с русской прозой за последнее десятилетие. Я читала её три года назад в поезде, плакала на последней главе и потом долго не могла забыть. И вот теперь автор стоял передо мной, живой, усталый, с бархатным голосом и дрожащими пальцами.

— Нина Платонова, — сказала я. — Читала. Очень.

— Вы корректор, — улыбнулся он. — Мне Аглая сказала. Значит, вы, наверное, нашли в тексте ошибки.

— Одну. Опечатку в двенадцатой главе.

— Какую?

— «Лёд» вместо «льда» в предпоследнем абзаце.

— Боже мой, — Седов приложил руку к груди. — Я искал её три года. Все издательства её пропустили.

— Это была не опечатка. Это была авторская ошибка.

— То есть я виноват.

— Все виноваты. Но вы больше всех.

Он рассмеялся. Смех у него был тихий, добрый, с хрипотцой.

— Нина, давайте дружить. Мне нужен корректор. Я пишу новую книгу. Вы бы согласились?

— Я в отпуске.

— Отпуск пройдёт.

— Тогда договоримся в январе.

— Договорились.

Последними приехали двое: пожилая женщина в роскошной норковой шубе, с высокой, как корона, причёской и ярко накрашенными губами, и невысокий худой мужчина лет шестидесяти пяти в вязаном берете, с острой седой бородкой и портфелем с красным крестом. Женщина вплыла в холл, как корабль, и, не останавливаясь, провозгласила:

— Дети мои! Я приехала. Можете радоваться.

— Радуемся, Нонна Викторовна, — хором сказали несколько голосов.

— Нонна Викторовна Званцева, — вполголоса сказал мне Андрей, который успел навести справки. — Актриса. Народная артистка РСФСР. В семидесятых играла в театре. Говорят, в ней было больше личности, чем таланта.

— Говорят?

— Так мне Аглая Тимофеевна сказала.

Мужчина с портфелем церемонно поклонился.

— Захар Миронович Брук. Врач. Кардиолог. На пенсии.

— Очень приятно.

— Мне тоже. Особенно когда нет необходимости никого осматривать.

Нонна Викторовна оглядела холл, остановила взгляд на мне, на Андрее, на коте, лежавшем у меня на коленях, и сказала с интонацией королевы, принимающей посольство:

— Это кто?

— Нина и Андрей, — сказала Аглая Тимофеевна. — Наши гости.

— Новенькие?

— Да.

— Прекрасно. Мне всегда нравилось, когда старые стены видят новых людей. Они от этого молодеют.

Она подплыла, наклонилась ко мне и, прищурившись, произнесла:

— Вы корректор?

— Откуда вы знаете?

— У вас красный карандаш в кармане. Я не слепая.

— Верно.

— Хорошо. — Она выпрямилась. — Сегодня вам понадобится.

— Почему?

— Потому что сегодня кто-то будет много врать.

— Нонна, — мягко сказала Аглая Тимофеевна. — Не пугай людей.

— Я не пугаю. Я предупреждаю. — Она махнула рукой. — Идёмте ужинать.

Ужин в тот вечер был простой и шумный. Тихон, молчаливый, румяный повар лет пятидесяти, в белом колпаке, подал уху из сига, запечённую картошку с грибами, пироги с рыбой, солёные рыжики и такую тёмную ржаную булку, что от запаха у Андрея заблестели глаза. Горничная Вика, худенькая восемнадцатилетняя девчонка с веснушками и косичкой, разносила напитки и всё время краснела. За столом сидели четырнадцать человек: двенадцать гостей, Аглая Тимофеевна и Тихон, которого она, махнув рукой, усадила со всеми.

И тут, между рыбой и пирогами, я услышала начало разговора, который перевернул мой отпуск.

— Помнишь, как мы здесь встречали двадцать первый? — сказал Крылов Седову, протягивая руку за хлебом.

— Какой двадцать первый?

— Новый год. Ну, шесть лет назад.

Седов замер. Потом осторожно положил вилку.

— Помню.

— Тогда ещё Таня была.

— Арсений, — тихо сказала Дина.

— Что?

— Не надо.

— Я просто вспомнил.

— Не надо вспоминать.

Тишина упала на стол, как скатерть. Нонна Викторовна поставила бокал. Захар Миронович опустил глаза. Аглая Тимофеевна стояла у печи, спиной к нам, и по неподвижности её плеч было видно, что она слушает.

— Простите, — осторожно сказала я. — Кто такая Таня?

Все молчали. Бархатов, сидевший во главе стола, откинулся на спинку стула и медленно, чуть хрипловато проговорил:

— Таня была моей племянницей.

— Эдик, — предупредила жена.

— Нет, Люба. Пусть знает. Она корректор. Она умеет читать между строк. — Он посмотрел на меня тяжёлым, внимательным взглядом. — Таня Бархатова. Двадцать два года. Студентка филфака. Приехала сюда шесть лет назад встречать Новый год с нами. И не вернулась.

— Что случилось?

— Она ушла на озеро. Ночью. Провалилась под лёд.

— Господи.

— Нашли весной. — Он взял бокал, посмотрел на свет, не отпив. — Следствие закрыли быстро. Несчастный случай. Лёд, мол, тонкий, девочка гуляла пьяная. Только она не пила.

— Эдик, прекрати, — сказала Люба.

— Не прекращу. Я шесть лет молчал. Сегодня хватит.

— Это не место.

— Именно место. Здесь все свои. — Он обвёл взглядом стол. — Все, кто был тогда. Аглая. Арсений. Дина. Павел. Нонна. Захар. И я. Мы приезжаем сюда каждый год, и каждый год делаем вид, что ничего не было. А сегодня я скажу.

— Скажешь что? — Голос Крылова стал глухим.

— Правду о Тане.

В тишине стукнула вилка. Это Седов уронил её на тарелку. Он быстро нагнулся, поднял, пробормотал «простите» и, не поднимая головы, начал вытирать салфеткой пальцы, которые вдруг стали влажными.

— Хорошо, — медленно сказала Аглая Тимофеевна, повернувшись к нам. — Ужин остывает. Давайте есть. А про Таню потом. Когда настанет время.

— Настанет, — сказал Бархатов. — Обещаю.

Мы ели молча. Эклер, лежавший на подоконнике, смотрел на стол внимательно, как смотрят на шахматную доску, где фигуры уже расставлены, но никто ещё не сделал первый ход.

— Нина, — шепнул мне Андрей. — Мне это не нравится.

— Мне тоже.

— Мы можем уехать.

— Не можем.

— Почему?

— Потому что Бархатов только что объявил, что завтра раскроет тайну. А люди, которые объявляют такие вещи, в нашем отпуске не доживают до утра.

— Нина.

— Я просто констатирую.

Он вздохнул и потянулся за хлебом.

Глава 3. Карточки желаний

Тридцать первого декабря с самого утра в «Сосновом береге» пахло ёлкой, мандаринами и тревогой.

Аглая Тимофеевна с Викой украшали холл: развешивали гирлянды, ставили свечи, вешали стеклянные шары на гигантскую ёлку у лестницы. Тихон колдовал на кухне над новогодним столом, откуда доносились звуки, от которых у Андрея на лице появилось счастливое, детское выражение. Бархатов репетировал в гостиной тосты, расхаживая взад-вперёд и размахивая руками, как дирижёр. Люба сидела в углу с ноутбуком и печатала что-то на хозяйском принтере.

Седов с утра отправился гулять на озеро. Вернулся к обеду, с красным от мороза лицом, и долго стоял у камина, потирая руки. Нонна Викторовна репетировала в своей комнате монолог. Захар Миронович читал в кресле газету. Крыловы катались на лыжах. И только я, к своему удивлению, сидела за столом и перечитывала программу, которую зачем-то утащила в карман накануне.

— Нина, — сказала Ксения.

Я подняла голову. Передо мной стояла двадцативосьмилетняя девушка с огромными зелёными глазами, в вязаном свитере с оленями, и держала в руках потрёпанную книгу. Рядом с ней, как тень, маячил её муж Роман, молчаливый и вежливый брюнет в очках. Они приехали накануне вечером, из Москвы, на свой запоздалый медовый месяц, и всё время держались за руки.

— Можно вас спросить? — Она покраснела. — Я филолог. Я читала «Зиму на Онего» шесть раз. И мне кажется, что в тексте что-то странное. Вы же корректор, вы заметите.

— Что именно?

— Стиль. — Она раскрыла книгу. — Смотрите. В первых одиннадцати главах очень много «ё». «Всё», «ещё», «её». Автор не пропускает ни одной. А в двенадцатой, последней, главе «е» вместо «ё», в тех же словах. Как будто писал другой человек.

Я взяла книгу, пролистала. «Зима на Онего. Павел Седов». Издание третье, дополненное. Открыла на двенадцатой главе и скользнула глазами по строчкам.

«Она пошла по льду медленно, не оглядываясь. Ветер сорвал красный шарф и бросил к берегу, и казалось, что над белым озером погасла маленькая свеча. Я хотел окликнуть её, но не смог. Все уже было сказано. Она еще раз обернулась. Улыбнулась. И исчезла».

— Подождите, — сказала я. — Здесь «все». И «еще». Без точек.

— Вот, — обрадовалась Ксения. — Я же говорю! А в первых главах…

Она ткнула пальцем в первую страницу. «Всё началось в декабре. Я приехал на Онего, как приезжал каждый год. Её звали Таней, и ей было двадцать два, и она ещё не знала, что значит терять».

— Совсем другой почерк, — сказала я, поражённая.

— Правда?

— Правда. — Я вернула книгу. — Это может быть редактура. Или правка издательства. Или автор в последней главе сознательно изменил манеру.

— Или написал разный человек.

— Ксения, — осторожно сказала я. — Это очень серьёзная гипотеза.

— Знаю. — Она вздохнула. — Но я филолог. Мы любим всё усложнять.

Роман, молчавший до этого, тихо сказал:

— Она третий день об этом говорит. Я уже выучил наизусть.

— Спасибо, что поделились, — сказала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.